

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАССА
Рэй

18+

Жена

В КАДРЕ

СЫГРАЕМ В ЛЮБОВЬ?

Тэсса Рэй

Жена в кадре. Сыграем в любовь?

«Автор»

2026

Рэй Т.

Жена в кадре. Сыграем в любовь? / Т. Рэй — «Автор», 2026

– В-вы с ума сошли?– Анжелика, выслушай, – встряла мой агент. – У Князева сейчас репутационный кризис. Он готов на все, чтобы отмыться. А ты – лицо безупречной репутации. Дочка великого режиссера, ни одного скандала, благотворительность.– Я знаю, кто такой Князев! – я вскочила. – Я не собираюсь за него замуж. Даже фиктивно.– Он – не подарок. Но он – талантлив. И на него ходят женщины. А женская аудитория – это 80% кассовых сборов нашей ниши.– Ты хорошая актриса. Это будет лучшая роль в твоей жизни, пока идет прокат. Шесть месяцев. Потом тихо разведетесь, сославшись на «разные взгляды».– А Князев согласен? – спросила я севшим голосом. Ни за что не поверю, что этот Князь Тьмы с его кривоватой усмешкой, нахальным взглядом, позволил своим пиарщикам и агентам уговорить себя жениться. Пиарщики обменялись улыбками.– Да, он дал добро сразу же, как услышал твое имя. Ну, конечно! Кто бы сомневался! А я закрыла глаза и вздохнула. Кажется, у меня не осталось выбора.

© Рэй Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	17
7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тэсса Рэй

Жена в кадре. Сыграем в любовь?

1

Анжелика

– Доченька, – начал отец мягко, но я знала этот тон, – мы тут все посовещались. Ситуация сложная.

Я кивнула. Я знала, что “Сияние над Волгой” – его проект мечты. Дорогие костюмы, декорации, целый городок построили под Тверью. Папа вложил личные деньги, продал квартиру на Патриках и взял кредит. Он всегда был азартным до безумия.

– Если мы не получим нужный бокс-офис в первые две недели, – продолжил продюсер Вадим, глядя в айпад, – нас сожрут конкуренты. Сейчас в производстве четыре ремейка, “Москвы слезам не верит” и три сериала про пятидесятые. Мы тонем в однотипном контенте.

– Нужен якорь, – сказала пиарщица, женщина с короткой стрижкой и очками на пол лица. – Нечто, что привлечет внимание именно к нашему фильму. И мы нашли решение.

Я перевела взгляд на отца. Он опустил глаза.

– Нам нужно, чтобы ты и Даниил Князев объявили о романе, – выпалила Надя. – А еще лучше – о браке.

Я услышала свой смех, глупый и неестественный, как будто он был не из меня.

– В-вы с ума сошли?

– Анжелика, послушай, – встряла мой агент Светлана. – У Князева сейчас репутационный кризис. Тот скандал с групповухой в “Кристалл-клубе” – ему отказали в роли в “Адмирале-2”. Он готов на все, чтобы отмыться. А ты – лицо безупречной репутации. Дочка великого режиссера, ни одного скандала, благотворительность, консервативные взгляды.

– Я знаю, кто такой Князев! – я вскочила. – Да он самовлюбленный идиот, меняет девушек как перчатки, на съемки он опаздывает, хамит всем подряд, и я...

– Анжелика, – отец поднял руку, и я замолчала. – Я знаю, что он – не подарок. Но он – талантлив. И на него ходят женщины. А женская аудитория – это восемьдесят процентов кассовых сборов нашей ниши.

– Папа, ты предлагаешь собственной дочери притворяться ради кассовых сборов?

– Не только ради них, ради успеха картины. Милая, я бы никогда не просил тебя пойти на это, если бы ситуация не была так критична.

– Но... как я буду врать, я этого человека... ненавижу!

– Не врать, – тихо сказал он. – Ты просто сыграешь роль. Ты хорошая актриса. Это будет лучшая роль в твоей жизни, пока идет прокат. Шесть месяцев. Потом тихо разведетесь, сославшись на «разные взгляды».

Продюсер Вадим пододвинул ко мне бумаги:

– Мы уже подготовили сценарий романа. Мы шелкнем вашу первую встречу, наплетем про искры и химию с первых дней. Пару кадров со съемок. И, разумеется, никто из съемочной команды не должен знать, что все это игра. У нас не хватит бюджета со всеми договором о неразглашении подписывать. Играть нужно перед всеми.

– Я не уверена, что смогу...

Меня, кажется, даже не услышали, продолжая нагружать условиями.

– Ты появишься с ним на “Кинотавре”, потом – съемки совместного интервью, прогулки по Москве. У нас есть несколько купленных папарацци, которые “случайно” вас заснимут.

Я смотрела на листы и не видела букв. В голове крутилось: Князев. Даниил. Тот самый, что на премьере “Северного ветра” отпускал пошлые шутки про мои туфли. Говорил о том, что хотел бы увидеть эти ножки в туфлях на своих плечах. Тот, что, по слухам, переспал с тремя актрисами второго плана за один день съемок. Красный флаг с надписью “опасно для психики”.

– Он отвратительный, бабник, – прошептала я. – Он заносчивый, он считает себя центром вселенной. Вы видели его соцсети? Посты про тачки, виски и фото с голым торсом каждую неделю.

– Именно поэтому он – идеальная пара для тебя, – спокойно ответила Света. – Контраст. Плохой парень исправляется ради хорошей девочки. Это продается лучше попкорна.

– А ты подумай, – добавила пиарщица, коснувшись моего плеча. – Твоя карьера. Этот фильм – трамплин. Если он провалится, кто даст тебе главную роль? А если выстрелит – ты станешь звездой первой величины.

Я посмотрела на отца взглядом умоляя его передумать. Он выглядел уставшим и отчаявшимся. А руки подрагивали, когда он подносит чашку ко рту.

– Папа, ты серьезно?

– Я готов на все, чтобы не потерять студию, – его голос дрогнул. – Если фильм провалится, мы банкроты. Мы потеряем дом, мастерскую, архивы. Ты этого хочешь?

Я молчала.

Отец подошел ко мне, опустился на корточки рядом с креслом:

– Лирика, солнышко, я знаю, что прошу многого. Но ты – моя девочка. Ты сильная. Ты сможешь. А Князев... ему тоже нужна эта сделка. Он будет играть по нашим правилам. Я прослежу.

Я не могла смотреть спокойно на его морщины, на седину в волосах, а от застывших слез мольбы в его глазах у меня внутри все ломалось.

– А Князев согласен? – спросила я севшим голосом.

Ни за что не поверю, что этот Князь Тьмы с его кривоватой усмешкой, нахальным взглядом, позволил своим пиарщикам и агентам уговорить себя жениться.

Пиарщики обменялись улыбками.

– Да, он дал добро сразу же, как услышал твое имя.

Ну, конечно! Кто бы сомневался!

А я закрыла глаза и вздохнула.

Кажется, у меня не осталось выбора.

2

Даниил

Черт, не запомнил, как ее зовут и кто она вообще такая. Кажется, она была из гримерной бригады – то ли ассистентка по костюмам, то ли визажистка, то ли просто какая-то телочка, которая пришла посмотреть на звезду.

Они всегда приходят. Открытые рты, влажные глаза, готовность на все, лишь бы сказать подружкам: я была с Князевым.

В трейлере чем-то неприятно пахло, то ли дешевым освежителем, то ли пластиком. Кондиционер работал на износ, но в воздухе все равно был спертый запах, как в старом, потрепанном такси.

Она стояла раком на диване, голая, раздвинув ноги, и я вошел в нее без прелюдий, без нежностей, без всего этого дерьма, которое обычно показывают в романтических фильмах.

Она стонала громко, старательно, с придыханием. Я смотрел на ее затылок – корни волос темные, концы выжженные перекистью, – и чувствовал, что меня вот-вот вырвет скукой.

Я двигался, как поршень в старом двигателе, механически, без искры. Раз-два, раз-два. Где кураж, мать его? Где тот электрический разряд, ради которого мы все это затеяли?

Она оглянулась через плечо, закатила глаза и закусил губу, изображая оргазм. Дешевый театр. Я смотрел на ее спину, на позвонки, выпирающие под кожей, и думал: боже, как же это пресно.

И тогда я решил встряхнуть ситуацию.

Даже не спросив, я засунул ей пальцы в зад: грубо, резко, до упора.

Я ждал, что она взбесится, заорет, лягнет меня в конце концов – и тогда, мать его, появится драйв, появится острота, появится то самое чувство, ради которого живешь. Адреналин. Риск. Фактор неожиданности.

Но нет. Она завизжала – и прогнулась. Раздвинулась шире, подалась навстречу, застонала еще громче.

– О да, Даня, еще!

Ну что за люди? Никакой фантазии. Никакого огня. Только готовность проглотить все, что им сунут.

В дверь постучали. Сначала робко, потом настойчиво. Мужской голос – кажется, ассистент:

– Даниил Викторович, выходите, грим ждет, через десять минут первый дубль!

Не ответил. Я хотел кончить. Просто чтобы закончить это бессмысленное действие. Но член стоял вяло, как резиновая игрушка, и я злился.

Я надавил на ее задницу сильнее. Пальцы ушли глубже, я чувствовал их через тонкую стенку – и через эту же стенку чувствовал свой член, скользящий внутри нее. Странное ощущение. Будто я трахаю сам себя.

И вдруг – кончил. Без вспышки, без взрыва, без всего этого дерьма, которое показывают в порно. Просто скудный, быстрый выброс, как из пересохшего крана.

Она развернулась. Лицо покрасневшее, губы припухшие, глаза блестят. Ждет комплиментов? Ждет нежности?

Я вытащил пальцы, мокрые, липкие, и сунул ей в рот.

– Ну-ка, оближи.

Она лизнула. Послушно. Как собака. А потом до нее дошло – что это за вкус, откуда эти пальцы и где они только что были. Ее глаза расширились, лицо дернулось, и она вlepила мне пощечину.

Звонкую. Сильную. Прямо от души!

Я рассмеялся.

Вот! Вот так! Теперь я чувствую!

Глаза горели, щека горела, и внутри что-то зажглось – тот самый погасший было огонек. Я встал, снял резинку, откинул ее в мусор, натянул брюки, застегнул рубашку, даже не вспотел.

Девушка сидела на диване, прикрывая грудь руками, и смотрела на меня с ненавистью и замешательством.

– Козел, – выдохнула она.

– Ага, – улыбнулся я, открывая дверь. – Как будто ты не знала к кому шла.

На улице стоял молодой пацан – щуплый, прыщавый, с рацией в руках. Он нервно переминался с ноги на ногу.

– Даниил Викторович, пойдемте скорее, уже все ждут, Морозов злой как черт...

– Ну, веда, – я хлопнул его по плечу и пошел за ним, насвистывая старый блюз.

Щека горела. Я чувствовал себя живым. Впервые за последние три месяца.

Внутри было странное чувство. Точнее, какое-то предчувствие. Может, этот фильм и правда что-то изменит.

А может, я просто пересплю с дочкой режиссера – и закрою гештальт. Малявка до сих пор не выходит из головы, сколько лет прошло? Пять? Шесть?

Всего раз ее видел, и как дерзко она меня отбрила тогда на глазах у всей публики, а потом еще прислала мне свои туфли в коробке, с запиской: *“Это были мои любимые туфли! Теперь я их видеть не могу! Уверена, на одной из твоих илюх они будут смотреться лучше!”*

Еще и номер счета прикрепила, и чек из магазина. С компенсацией, естественно.

Скоро я ей все компенсирую, сучка недотраханная! Ляжет под меня в первую же неделю нашего сладкого союза. Это я ей гарантирую.

А, возможно, я наоборот не дам ей ни хрена. Полгода будет умолять меня, но я буду непреклонен.

Посмотрим. Как пойдет.

3

Даниил

Ну и рожа!

Перед зеркалом в костюмерной и не узнавал себя. Костюм пятидесятых – шерстяной, с широкими лацканами, брюки с высокой талией, подтяжки.

Волосы зализали назад, набрилили так, что голова блестела, как задница нового "Порше".

В руках – старый "Зенит", тяжелый, металлический, с кожаным ремешком. Я повертел его в ладонях, взвесил. Хорошая вещь. Солидная. Таким можно и фото сделать, и череп проломить, если что.

Я вышел из трейлера, и сощурился. Солнце ударило в глаза. Съёмочная площадка гудела – осветители возились с софитами, операторы настраивали камеру на рельсах, массовка в ретро-одеждах пила кофе из пластиковых стаканчиков, ломая всю атмосферу.

Кто-то крикнул:

– Князев, на грим!

Но я уже был нагримлен. Я был готов. Я был в чертовой машине времени, перенесшей меня в 1956 год.

Морозов сидел в своем режиссерском кресле и смотрел в монитор. Он поднял голову, окинул меня взглядом, кивнул.

– Нормально. Садись, сейчас будем репетировать проход.

Я сел за столик в кафе. Бутафорские пирожные, настоящий кофе – чувствуется, что папаша не экономил на антураже. Я взял чашку, сделал глоток. Горько и пресно. Как вся моя жизнь.

И тут я увидел ее.

Она выходила из гримерного вагончика – и, чтоб меня, забыл, как дышать.

Анжелика шла через площадку в белом платье с меховой опушкой, и это было не платье, а проклятый сон, от которого не хочется просыпаться.

Рыжие локоны падали на плечи, макияж – стрелки, красная помада, идеальная кожа.

Декольте открывало плечи и ключицы, и я машинально скользнул взглядом ниже, выискивая очертания сосков сквозь ткань, но ткань сидела плотно, и я понял: накладки. Или специальный бюстгальтер. Черт, как же это раздражало – и возбуждало одновременно.

Она была... другой. Не той девочкой, на премьере одного из моих успешных фильмов. И не той куклой с безупречной репутацией, которую описывали пиарщики.

Она стала женщиной. И чертовски соблазнительной! Созрела, налилась, как плод на солнце. Хрупкая, тонкая, но с таким внутренним стержнем, что я почувствовал – эта не прогнется. Эта даст сдачи.

Белый ангелочек с рыжим огнем в волосах и взглядом бесенка – теперь это не про нее. Теперь она – муза. Самый откровенный и сладкий афродизиак. Мечта.

Я смотрел на нее и не мог оторваться. Во рту пересохло, и я махнул официантку, хотя кофе еще оставался. Нужно было занять рот чем-то, чтобы не пялиться, как деревенский дурачок.

Она села за столик напротив, рядом с актером, играющим ее мужа. Муж был в шляпе и плаще – типичный нуаровый герой.

Анжелика улыбнулась ему, но краем глаза глянула на меня. Она знала, что я смотрю. Играла роль. Играла безупречно.

– Мотор! – крикнул Морозов.

Я встал. Поправил ремешок фотоаппарата на шее. Сделал глубокий вдох.

По сценарию, мой персонаж – частный детектив, нанятый следить за мужем. Я должен подойти к столику, сделать вид, что фотографирую зал, и щелкнуть их. А потом – увидеть ее. И все полететь к чертям.

Я подошел. Поднял "Зенит", прищурился, навел резкость. Щелчок затвора – сухой, металлический. Потом еще один. И опустил камеру, встречаясь с ней взглядом.

И вот тут я перестал играть.

Я смотрел в ее зеленые глаза – и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Я уже пару раз влюблялся в своей дерьмовой жизни и знал, что это было не то. Не такое чувство.

Со мной случилось что-то, чего я еще не испытывал. Это было чем-то первобытным, животным, тем, что заставляет самцов в джунглях бить себя в грудь и рычать на соперников.

Она сидела, чуть склонив голову, и оглядела меня с интересом – и в этом интересе я был готов поклясться, была заинтересованность, которая не была частью сценария.

Или я сходил с ума? Или она играла так сильно, что я ей поверил.

– Вы что-то хотели? – спросила она бархатным голосом.

Я открыл рот. В сценарии были слова. Они вылетели из головы.

Где-то за кадром кто-то хохотнул:

– Смотри, как Князев вжился!

– Тебе не кажется, что он реально залип? Аж дар речи потерял. Снимайте, снимайте, пока магия не ушла!

Я услышал этот шепот, но мне было плевать. Я смотрел на нее и думал: какого черта? Как эта девчонка заставляет мое сердце превратиться в барабан? А в паху – вообще черт знает что! Хорошо, что брюки широкие.

Я же знаю: она презирует меня. Для нее я – красный флаг. А она играет так, что я, блин, верю. Верю, что я ей интересен. Верю, что она хочет меня увидеть.

– Я... – выдохнул я, возвращаясь к скрипту. – Простите. Свет показался удачным. Вы не против, если я сделаю еще один кадр?

– Делайте, – она приподняла бровь. – Вы здесь работаете или просто наслаждаетесь видом?

Я засмеялся. Искренне. На удивление самому себе.

– И то, и другое.

Вжик – затвор щелкнул. Но я понимал: этот кадр я сделал не для фильма. Я хотел запомнить ее такой.

Режиссер крикнул:

– Стоп! Снято!

Все задвигались, зашумели, и она отвернулась, выходя из образа. Ее лицо снова стало холодным и правильным. Но я все еще стоял с камерой в руках и смотрел ей вслед.

– Классно играют, – услышал я за спиной чей-то восхищенный голос.

Только я не играл.

Я был очарован. Как мальчишка. Как последний идиот, который поверил в сказку про красивую девочку и счастливый конец.

И это пугало меня больше, чем провал фильма, гнев продюсеров и весь этот гребанный цирк с фиктивным браком.

Я опустил камеру, потер затылок и усмехнулся.

Черт, Князев. Вляпался ты по полной!

Надеюсь, этот брак не убьет меня к чертям, прежде чем я успею понять, что к чему?

4

Анжелика

Я вбежала в гримерку и захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной. Пульс стучал в висках так, что в ушах шумело.

Посмотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала себя – щеки пылали, глаза блестели, губы приоткрыты, будто я только что пробежала стометровку.

Господи. Что это было?

Я опустила на стул и уставилась в одну точку. В голове крутился один и тот же кадр – его глаза, когда он опустил камеру и посмотрел на меня.

Серые, почти стальные, с поволокой такой наглой, уверенной, хищной, что у меня под ложечкой засосало.

Этот взгляд обещал неприятности. Самые сладкие, самые запретные, самые глупые неприятности, от которых мама предостерегает дочек, а дочери все равно в них вляпываются по самые уши.

Я хорошо помнила его тогда... точнее, думала, что хорошо. Но и знала его по фотографиям в интернете. Знала по сплетням, по скандалам, по тем мерзким историям, которые шепотом передавали за кулисами. "Князев переспал с третьей ассистенткой", "Князев соблазнил участницу шоу", "Князев устроил дебош в отеле". Красный флаг. Краснее некуда.

Но фотографии ввали. Или не передавали главного.

Потому что вживую он был... невыносим. Невыносимо красив. Лицо грубоватое, мужское – с резкими скулами, вечной легкой небритостью, носом, который когда-то явно ломали.

Глаза со смесью надменности и голодной похоти, от которой у меня внутри все перевернулось. И губы, которые кривились в этой его вечной усмешке, будто он знал про тебя что-то, чего ты сама про себя не знаешь.

А его рост! А широкие плечи. Руки в рукавах рубашки, закатанных до локтя – жилистые, с выступающими венами, сильные. Я поймала себя на том, что пялилась на его пальцы, когда он крутил тот дурацкий "Зенит", и покраснела еще сильнее.

– Анжелика, можно? – в дверь постучал папа.

Я выдохнула и села прямо.

– Да.

Он вошел, держа в руках сценарий, и посмотрел на меня с тревогой.

– Все в порядке? Ты чего такая красная?

– Жарко, – соврала я, обмахиваясь рукой. – Духота. И эти софиты...

Папа сел напротив, помолчал, а потом сказал тихо:

– Я пересмотрел дубль. Вы оба – блестящие! Я не думал, что вы сработаетесь с первого раза. Ты... ты правда смотрела на него как на кого-то важного. Как будто он тебя зацепил.

Я опустила глаза и принялась рассматривать свои ногти, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Старалась.

– Я знаю, что ты его недолюбливаешь. Но ты большой профессионал, детка. Я горжусь тобой.

Он поцеловал меня в макушку и вышел. Я осталась сидеть, сжимая подлокотники кресла, и думала: "Боже, папа, если бы ты знал, как я на него смотрела на самом деле. Если бы ты знал, что я сейчас думаю".

В гримерку зашла визажистка, поправила мне помаду, припудрила щеки, которые снова начали гореть, и отправила на площадку.

Следующая сцена была у бара. Та самая, где мой персонаж приходит выпить, а герой Князева подходит ко мне, чтобы поговорить наедине.

Я встала за стойку, взяла бокал с бутафорским шампанским, сделала глоток – и увидела, как он входит в кадр.

Он сменил пиджак, зачесал волосы назад, и от этого стал еще опаснее. Светлые лацканы, темная рубашка, подтяжки.

И эта его походка – вразвалочку, уверенная, хозяйская. Будто весь мир – его съемочная площадка, и все мы тут статисты.

– Мотор! – прозвучало сквозь шум в ушах.

Я поставила бокал и уставилась в пустоту перед собой, изображая мечтательную грусть. Краем глаза я видела, как он приближается, и внутри все сжалось.

Он подошел, оперся локтем о стойку рядом со мной. Близко. Слишком близко. Я чувствовала запах его парфюма – дорогого, с нотами дерева и табака, и этот запах ударил мне в голову, как будто шампанское было далеко не бутафорским.

– Можно присесть? – спросил он по сценарию.

– Я не одна, – ответила я, даже не повернув головы.

– Я знаю. Но сейчас-то вы одна. Разве я позволю прекрасной девушке скучать в одиночестве?

Он усмехнулся, и я наконец повернулась к нему. Наши глаза встретились, и на секунду я забыла, кто я, где я и что говорю по тексту. В его зрачках плясали смешинки и еще что-то темное, манящее.

По сценарию, он должен был наклониться и прошептать: "У вас красивые глаза. Почему ваш муж смотрит куда-то в другую сторону?" – и я должна была ответить: "Потому что он смотрит туда, где его деньги".

Но он наклонился к моему уху, и я почувствовал его дыхание на своей коже, и волоски на затылке встали дыбом. Я ждала реплики. Ждала, когда мое тело перестанет дрожать.

А он прошептал:

– Я все еще храню твои туфли.

И отодвинулся.

Я замерла. Туфли. Те самые, с премьеры "Северного ветра", когда он отпустил те пошлые шуточки, а я мечтала провалиться сквозь землю. Он помнил. Он специально выбрал этот момент, чтобы выбить меня из колеи.

Жар поднялся от ключиц к лицу, и я начала обмахиваться веером, который лежал на стойке как реквизит.

Это было не по сценарию. Но операторы продолжали снимать, и кто-то из бригады восхищенно выдохнул:

– Боже, какая химия! Она покраснела по-настоящему! Это лучший дубль!

А он стоял и улыбался. Самодовольно. С обещанием. С таким выражением, которое говорило: "Детка, мы только начали. Дальше будет веселее".

Я смотрела на него и понимала: я влипла. Мое тело предавало меня. А сердце пропускало удары, ладони потели, а в груди разрастался жар, который не имел ничего общего с духотой и софитами.

Этот мужчина был слишком опасен.

Я сглотнула, взяла себя в руки и выдавила тихое и фальшиво-равнодушное:

– Сам носишь? Или так, "для подрочить" оставил?

Он рассмеялся – открыто, громко, так, что массовка обернулась.

Я подняла бокал, сделала глоток "шампанского" и подумала: "Шесть месяцев. Всего шесть месяцев. Я справлюсь".

Но где-то глубоко внутри маленький, честный голосок шепнул: "Врешь, Лика. Ты уже не справляешься".

5

Даниил

Съемки на сегодня закончились.

Я расстегнул верхние пуговицы рубашки, адреналин потихоньку отпускал. В голове все еще крутились наши сцены. Черт, я был хорош. Я был чертовски хорош!

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся. Оператор, лысый мужик с прокуренным лицом, скалился в улыбке.

– Князев, ты зверь! Я двадцать лет в кино, но такой химии не видел. Ты ее реально раздевал глазами, я аж за камерой вспотел.

– Работа такая, – усмехнулся я, расстегивая еще одну пуговицу.

– Да ладно, не скромничай. Ты талант. Морозову повезло, что он тебя взял.

Я хмыкнул и отвернулся. Конечно, я талант. Я знаю это с восемнадцати лет, когда впервые вышел на сцену театральной студии и понял, что умею врать лучше, чем люди говорят правду. Не нужно мне говорить, что я хорош. Я знаю.

Но внутри сидело другое знание: я не играл. С ней я не играл. И это пугало.

– Князев! Даниил Викторович! – мой агент, Илья, подкрался незаметно.

Он поманил меня рукой, стоя у входа в административный корпус. Рядом с ним я увидел рыжий локон, белое платье, тонкий силуэт.

Анжелика. Мой рыжий ангелочек с дерзким язычком, на который мне пиздец как захотелось кончить.

Я подошел. Илья улыбался, как кот, сожравший сметану. Рядом с ним топтались двое пиарщиков – высокий парень в очках и девушка с блокнотом, похожая на хорька. И наш главный продюсер, Семен Маркович, толстый, потный, с сигарой в зубах, которая воняла дешевым табаком.

– Пройдемте в переговорную, – сказал Илья. – Надо обсудить детали.

Я взглянул на Анжелику. Она стояла, опустив голову, и смотрела в пол. Плечи напряжены, пальцы сцеплены в замок. Выглядела она так, будто ее вели на эшафот, а не на подписание контракта на нашу аферу.

Я усмехнулся про себя. Ну что за бабы? Вечно из мухи слона раздувают. Подумаешь, фиктивный брак. Ради славы, ради денег, ради того, чтобы фильм проданся. Все при деле. Чего киснуть?

Мы зашли в переговорную – душную комнату с большим столом и стульями, которые скрипели при каждом движении. Все расселись.

Я плюхнулся на стул, откинулся на спинку, вытянул ноги. Анжелика села напротив, все так же глядя в стол.

Пиарщики зашуршали бумагами, Илья достал ноутбук, а Семен Маркович затянулся сигарой, выпустив облако дыма в потолок.

– Давайте сразу к делу, – сказал он, стряхивая пепел прямо на пол. – Кадры со съемок мы уже посмотрели. Даниил, ты блестяще выглядишь! Эта твоя... завороченность героиней – она продаст фильм.

– Я старался, – буркнул я, пожимая плечами. Внутри кольнуло, но я заглушил это чувство привычной бравадой.

– А ты, Анжелика, – продолжил продюсер, повернувшись к ней, – ты вообще молодец. Твой румянец, твоё смущение – это золото. Мы уже запустили удочку в соцсети, и там разнос. Все пишут: "Какая химия! Они что, реально влюблены?"

Она молчала. Я покосился на нее, ожидая хоть какой-то реакции. Но она только ниже опустила голову, будто хотела провалиться сквозь землю.

– Так, – Илья хлопнул ладонью по столу. – Теперь о главном. Вы оба знаете, зачем мы здесь. Фиктивный брак. Полгода вы появляетесь на публике, играете влюбленную пару. Интервью, совместные выходы, фотосессии. Все, что нужно для прессы.

– Мы подготовили легенду, – встрял пиарщик с блокнотом. – Познакомились на съемках, вспыхнули чувства, решили пожениться. Анжелика, ты будешь говорить, что влюбилась в Даниила с первого взгляда, что он – мужчина твоей мечты. А ты, Даниил, будешь подтверждать, что она – твоя муза.

Я хмыкнул. Муза. Моя муза – секс и сон. Были. До сегодняшнего дня.

– И еще, – Семен Маркович ткнул в меня сигарой. – Эти полгода – никаких интрижек. Никаких скандалов. Никаких баб на стороне. Если пресса прознает, что ваш брак – фикция, будет скандал. Ты понял?

Я скривился. Полгода аскезы? Шутите?

– И обсудите совместное проживание.

– Мы и жить вместе должны? Реально? – усмехнулся я, кивая в сторону Анжелики. – Она, что, тоже не против?

Морозова подняла голову и посмотрела на меня. Взгляд – колючий, злой, но в глубине – испуганный. Как у затравленного зверька. У меня внутри что-то екнуло, но я отвел глаза.

– Анжелика согласна, – тихо сказал ее агент, девушка с блокнотом. – Она понимает важность проекта.

– Ну тут итак ясно, – я потер ладони. – Я из своей берлоги никуда не перееду. Жenuшка будет жить у меня.

Я услышал тихий отчаянный вздох девчонки.

Дверь открылась. Вошла ассистентка с подносом – чашки, чайник, печенье. Я взглянул на нее, и усмехнулся. Та самая, из трейлера. Девушка, которую я трахал пару часов назад, пока съемочная группа ждала меня на площадке.

Она увидела меня – и покраснела так, будто ее ошпарили кипятком. Руки дрогнули, чашка соскользнула с подноса, грохнулась об пол и разлетелась вдребезги. Горячий чай плеснул на брюки Семена Марковича.

– Ах ты, черт! – взревел он, вскакивая. – Смотреть надо, куда идешь!

– Простите-простите, – залепетала она, хватая салфетки и пытаясь промокнуть его штаны.

Я сидел, откинувшись на стуле, и наблюдал за этой сценой с кривой усмешкой. Она металась, не зная, куда девать глаза, лишь бы не смотреть на меня.

Илья переглянулся с продюсером. Анжелика подняла голову и посмотрела на меня с подозрением.

– Дерьмовый день, – заметил я, глядя на девку.

Она выбежала, чуть не споткнувшись о порог. Я проводил ее взглядом и почувствовал противное, вязкое чувство – смесь стыда и злости. Черт. Мне же сказали – никаких интрижек. А я уже успел наследить. Надеюсь, ее уволят.

Семен Маркович вытер брюки, сел обратно и уставился на меня тяжелым взглядом.

– Князев. Я серьезно. Никаких баб. Никаких загулов. Если про нашу аферу узнают – все полетит к чертям. Ты понял?

Я кивнул. Но внутри был не так уверен. Полгода аскезы? Полгода без права на ошибку? Да я не выдержу и недели.

Повернулся к Анжелике. Она сидела, все так же сжавшись, и смотрела в стол. Хрупкая, рыжая, с этим своим белым платьем и напряженными плечами. Идеальная жертва. Идеальная мишень.

Нет. Теперь она точно попала. Если мне нельзя никого другого – значит, я оторвусь на ней по полной. На своей фиктивной жenuшке.

Рыжий ангелочек с дерзким язычком. Я заставляю ее забыть, что такое ненависть. Я заставляю ее смотреть на меня так, как она смотрела сегодня в кадре – с этим румянцем и горящими глазами.

Только теперь это будет по-настоящему.

6

Анжелика

Вышла из гримерки в джинсовых шортах и майке. Как непривычно было сменить наряд после целого дня в костюмах.

Я поймала себя на мысли, что выгляжу как попаданка из пятидесятых – час назад я была в платье с пышной юбкой, с идеальной укладкой и жемчужными серьгами, а теперь стояла в современной одежде, и мир вокруг казался чужим.

День вымотал меня до состояния зомби. Отец остался в студии, обсуждая что-то с продюсерами, а я хотела только одного – забраться под душ, смыть с себя этот день и забыться во сне.

Я открыла приложение такси. Свободных машин не было. Я выругалась про себя, нажимая на кнопку поиска снова и снова.

Эх! Надо было соглашаться ехать с Ваней, нашим звуковиком – он предлагал подбросить, говорил, что ему по пути. Но я отказалась. Гордость. Или тупость?

Небо нахмурилось, тучи сгустились, воздух стал тяжелым, пропах озоном и приближающейся грозой. Где-то вдалеке глухо рыкнул гром.

Я поежилась и обхватила себя руками, проклиная все на свете.

И тут прямо передо мной остановился черный «Кайен». Новенький, блестящий, полированный до зеркального блеска.

Стекло опустилось, и я увидела ухмыляющуюся морду Князева. Темные волосы слегка растрепаны, в глазах – довольный огонек, губы растянуты в самодовольной усмешке.

– Прыгай, подвезу, будущая женушка.

Я показала ему средний палец. И затравленно оглянулась – не видит ли отец? Он убьет меня, если узнает, что я так себя веду с главной звездой проекта.

– Ай-яй-яй, как нехорошо, – протянул он, качая головой. – Ты со своим женихом так обращаешься? Садись, говорю.

Я открыла рот, чтобы послать его куда подальше, но в этот момент сверкнула молния. Прямо над нами.

Ослепительная белая вспышка расколола небо, и грянул гром – так близко, что я вздрогнула и вжала голову в плечи. Деревья зашелестели, ветер поднялся и принес запах мокрой пыли.

Князев вышел из машины, что-то бормоча себе под нос. Быстро и решительно пошел ко мне.

Прежде чем я успела отступить, он подхватил меня на руки – сильные, цепкие, настойчивые.

Я вскрикнула, ударила его по плечу, но он даже не дернулся.

– Отпусти меня, придурок!

– Я и рад бы, но мы с тобой теперь, вроде как, связаны.

В два шага он донес меня до машины, открыл пассажирскую дверь и грубо усадил на сиденье. Я попыталась выскочить, но он навис надо мной, блокируя выход, и захлопнул дверь.

– Нет, это просто капец! Что за хам?!

Внутри все дрожало – от страха, от злости, от этого жуткого возбуждения, которое я отказывалась признавать. Чертов Князев!

Он сел за руль, посмотрел на меня с довольной рожей, и мотор заурчал. Мощно, глубоко, как зверь.

– Не хмурься, женушка, тебе не идет.

– Давай ты... – закусила губы, решая не вести себя, как истеричка, сделала выдох и как можно спокойней произнесла: – Раз уж ты настаиваешь меня подвести, мы можем... – снова вдох-выдох, – ...можем ехать молча?

– Нет.

Да чтоб тебя!

– Что ты думаешь обо всей этой затее? – спросил он, выруливая с парковки. Голос спокойный, почти ленивый. – Выгорит идея? Или люди не настолько помешаны на экранных парочках?

Я покосилась на него. Он вел машину одной рукой, глядя на дорогу, второй хлебал кофе. В одиннадцать вечера. В салоне пахло кожей (видимо, только недавно купил тачку), кофе и его парфюмом. Приятным, кстати... черт!

Моргнула, пытаясь заставить себя перестать приноживаться.

Что он там спросил? А! Про парочки в кино и в жизни. О, я и сама люблю все эти темы.

– Люди помешаны на всем, что похоже на любовь, – ответила я бесстрастно. – Брэд и Анжелика, когда снимались в «Мистере и миссис Смит». Роберт Паттинсон и Кристен Стюарт после «Сумерек». Все верили. Все покупали билеты. А Зендая и Том Холланд – вообще моя любовь!

Он хмыкнул и кивнул.

– Любовь, значит, – зыркнул на меня своими дьявольскими глазюками.

Как я не люблю парней, которые знают, что они привлекательные. А этот уже взрослый мужик, а никак цены себе не сложит!

– Значит, считаешь, идея стоящая?

– Не обольщайся. Это не ты придумал. Это пиарщики.

– Знаю. Но я ее буду продавать. Лицом и телом.

Я фыркнула и отвернулась к окну. Мимо проплывали огни города, мокрый асфальт, редкие прохожие с зонтами, которые от ветра выворачивало наизнанку. Как и меня – рядом с этим павлином.

– Слушай, – он вдруг стал серьезным. Повернулся ко мне, и я почувствовала его взгляд. – Воспринимай это как игру. Как что-то несерьезное. Мы просто делаем вид. Как в кино. Просто игра.

– Ты ко всему в жизни так относишься? – спросила я, не поворачивая головы.

Он коротко и сухо рассмеялся

– А ты нет? Попробуй. Будет весело.

И тут его ладонь легла на мою ногу, чуть выше колена. Теплая, тяжелая, наглая. Я дернулась, словно молния опять ударила прямо над нами.

– Убери руки, – процедила я сквозь зубы. Злобно и четко.

Он посмотрел на свою руку – удивленно, будто она сама собой туда забралась. Потом поднял ее вверх, изображая сдающегося.

– Да ладно, не кипятись ты так. Я ж мужик, а ты красотка. Как мне еще вести себя?

– Цивилизованно.

Он усмехнулся, но взял в эту ручищу обратно свой кофе, пил и больше меня не трогал. Мы ехали молча. Аллилуйя!

Я смотрела в окно, стараясь не думать о том, как его пальцы касались меня. Стараясь не думать о том, что внутри все еще дрожит.

Черт, сколько у меня уже секса не было? Я попыталась вспомнить и не смогла. Еще и Надя мне подарок подогнала. Мы пару дней назад с ней напились и спьяну заказали себе, прикола ради, по вибратору. Я – ей, она – мне. Так, чтобы мы не видели и получился сюрприз.

Сегодня она получила посылку и отдала мой подарок. Мы смеялись до слез в гримерке, потому что у этой штуковины была с одной стороны движущаяся головка, а с другой – вакуум, который забавно засасывал палец, и...

Ох...

Больше полугода я даже на свидания не ходила!

Прижала к себе посильнее сумочку, словно у Князева был взгляд-сканер и он точно знал, что внутри. Должно же быть хоть какое-то объяснение его скотскому поведению?

Точно знает про мою приблуду. Надя, блин! Я ей тоже ее посылку на работу припру.

– Может, заедем поесть? – предложил внезапно Князев, когда мы остановились на светофоре.

– Нет.

– Выпить? Пропустим по стаканчику, обсудим детали. Нам, вроде как, скоро съезжаться...

– Нет.

Он покачал головой, но в голосе появилась игривая нотка:

– Ладно, недотрога. Посмотрим еще, кто кого. Скоро сама будешь проситься на свидание.

Я повернулась к нему. Взгляд – лед.

– Чтобы я согласилась на свидание, тебе придется, как минимум, вырядиться в мои туфли, Князев. Не обнадеживай себя иллюзиями. Я согласилась на этот “брак” только ради отца. Держи свои дерьмовые руки от меня подальше.

Он остановил машину у моего дома. Я вылетела из салона, хлопнув дверью так громко, что машина, кажется, жалобно пискнула. И, не оборачиваясь, пошла к дому.

Сердце колотилось. В ушах шумело. И это далеко не конец. Это только начало. Как? Как я согласилась жить с ним? Я в своем вообще уме?

7

Даниил

Заехал в гараж, поставил тачку рядом с тремя другими, постоял, полюбовался на них, чувствуя острый приступ гордости и какого-то мальчишеского восторга.

Если бы я не стал актером, по-любому связал бы свою жизнь с авто. Ну, красотища же!

Зашел в дом, и приуныл. Тихо, как в склепе. И темно, к тому же. Только крови девственниц нет. Кстати, очень их не люблю, возни столько!

Огромный особняк, три этажа, панорамные окна, итальянская мебель, чертовски дорогой минимализм – все это было пустым, холодным и чужим.

Я скинул кроссовки, прошел на кухню, открыл холодильник, взял бутылку пива. Горлышко скользнуло между губ, я сделал долгий глоток, но это не помогло.

Член стоял. Он стоял уже час, с того самого момента, как я усадил эту рыжую стерву в машину. Запах ее волос. Тонкая рука, которую я держал, когда она пыталась вырваться. Ее колено под моей ладонью. Как она вздрогнула. Как сказала «убери руки» этим своим холодным, злым голосом, от которого у меня в штанах все колом до сих пор стоит.

То ли она так довела, то ли просто хотелось снять напряжение после дня. Но мне нужно было трахнуть кого-то. Срочно. Иначе я начну крушить мебель.

Я достал телефон и набрал Илью. Он взял после второго гудка.

– Слушай, – сказал я без предисловий. – Если мне нельзя интрижки, может, я могу заказать шлюху? Дорогую. С подписью о неразглашении. Ну, чувак, полгода без вагин – это несправедливо. Я умру от спермотоксикоза раньше, чем выйдет этот фильм.

Илья молчал. Я слышал, как он вздыхает. Потом сказал:

– Дай подумать. Я перезвоню.

Я ждал. Допил пиво, открыл второе. Смотрел на свой пустой дом, на отражение в темном окне, на свои руки. Член все еще стоял. Как такое вообще возможно?

Через десять минут телефон зажужжал.

– Ладно, – сказал Илья. – В виде исключения. Я знаю одну фирму, они работали с ребятами и посерьезнее. Им можно доверять. Когда тебе?

– Сегодня.

– Есть предпочтения?

Я усмехнулся:

– Рыжую.

Илья хмыкнул. Ничего не сказал, просто хмыкнул. Он уже привык ко мне. За столько лет совместной работы его уже ничего не удивляло.

– Жди. Через час пришлют.

Я сбросил вызов и пошел наверх. Вспомнил, что забыл в машине контракт. Думал выйти из душа и почитать еще раз, поискать лазейки, чтобы потом вынести мозг рыжule. И без осуждения, пожалуйста! Она за день мне мозг вытрахала похлеще...

В гараже я заметил что-то на пассажирском сидении машины – забыл, когда выходил. Подошел ближе. Сумочка, женская, маленькая, кожаная, светло-бежевая. Сумочка Морозовой. Она забыла ее в моей машине, когда вылетала из нее пулей.

Черт.

Я поднял ее, покрутил в руках. Кожа мягкая, пахнет ее духами. Я взял сумочку с собой в дом, положил на столик в прихожей, с мыслью вернуть завтра. И пошел в душ.

Горячая вода стекала по спине, расслабляя мышцы. Я закрыл глаза и представил рыжие волосы. Дерзкий язык. Ее глаза, когда она сказала «дрочишь на туфли». Как она хлопнула дверью. Черт, она была великолепна! И я ненавидел ее за это.

Не то, чтобы я был любителем гонять лысого, но этот стояк уже начал напрягать. В конце концов, что мне мешает?

Провел по члену рукой, вверх-вниз, и простонал. Острое желание нагнуть рыжую и засадить ей пронзило все тело и отдало в паху. Яйца набухли так, будто в них песка насыпали от души.

Представил, как маленькая бестия касается себя розовой приبلудой и стонет и сжал челюсти. Как бы я сам хотел позабавиться с ней.

О, сколько бы я сладких оргазмов от нее собрал! Ловил бы губами каждый выдох, кусал бы эти пухлые губки, зарылся носом в промежность и...

А, интересно, волосы на ее лобке такие же рыжие?

Все бы, сука, отдал, лишь бы узнать ответ на этот вопрос!

Сжал член в кулаке и задвигал им чаще, чувствуя покалывание и теплые мурашки по пояснице – в пах...

– Твою мать! – прорычал, ударив ладонью по мокрой плитке, приближаясь к пику покруче того, что был сегодня утром.

Перед глазами чудные сиськи рыжей в декольте, с этой меховой опушкой. Как бы я хотел просунуть член между этих тугих полушарий, чтобы она сжала меня, поддерживая их руками и ротик открыла, высунув язычок и...

– Ар-р-р...

Кончил обильно на плитку, так накрыло, что ноги чуть не подкосились. Вот это девочка! Одни только фантазии о ней сделали мой дерьмовый вечер чуточку веселее.

Коснулся лбом плитки и усмехнулся. Дыхание сбитое, будто пробежал спринт. И выиграл его.

Хотя, вряд ли дрочку можно назвать победой. Но, ничего, на девчонке которую пришлет Илья, отыграюсь по-полной.

Надо же!

Гребанная Морозова, так довела, что шлюху не дождался!

Ржал сам с себя, пока мылся.

Вышел из душа. Поужинал на скорую руку (ха!) из того, что приготовила моя домработница – паста, кусок мяса, сыр.

Выпил еще пива.

И все это время я ходил кругами. Вокруг этой сумочки. Она лежала на столике, маленькая, безобидная, и манила меня, как запретный плод.

Я смотрел на нее. Отворачивался. Смотрел снова.

Не удержался.

Подошел, взял, расстегнул молнию. Внутри – женский хлам. Помада, зеркальце, ключи, маленький кошелек, телефон, пачка влажных салфеток, расческа. И еще что-то. Я запустил пальцы глубже и вытащил это.

Вибратор!

Маленький, розовый, силиконовый. Я присвистнул. И расхохотался.

Ну надо же. Господи боже. Какая находка!

Моя скромница, моя недотрога, моя «убери руки» берет с собой на съемки такие вещи. Я представил ее в гримерке, между дублями, одну, с этой штукой в руках. И член снова дернулся.

Все ей теперь пиздец. Теперь у меня есть козырь. И я уже прикидывал, как его разыграть.

В дверь позвонили.

Я удивился. Быстро обернулся, глянул на часы. Прошло меньше часа. Хорошая служба! Молодцы, быстро подогнали девку. Я пошел открывать, прямо так, с вибратором в руках. А что она мне скажет? Такие, как она видели и похлеще...

На лице уже расплывалась ленивая ухмылка.

– Приве-е-ет... – промурлыкал я, открывая дверь.

И застыл.

На пороге стояла Морозова.

Взъерошенная. Запыхавшаяся. В мятой майке, джинсах, с каплями дождя на лице. Она дрожала – то ли от холода, то ли от ярости.

Я моргнул. И улыбнулся медленной, предвкушающей улыбкой человека, который только что выиграл джекпот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.